

ПАТЕРНАЛИЗМ КАК ПАРАДИГМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Оськина Ольга Ивановна, кандидат политических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20а
E-mail: kasregion@inbox.ru

В статье анализируются проблемы взаимодействия государства и общества в России и на постсоветском пространстве. Выделяется и дается характеристика патернализма как господствующего элемента в политической культуре стран постсоветского пространства. Определяется необходимость изменений в парадигме взаимодействия государства и общества для дальнейшего осуществления политической модернизации и эффективного развития.

Ключевые слова: демократия, политическая культура, патернализм, политическая модернизация, гражданское общество, власть, национальные традиции.

PATERNALISM AS A PARADIGM OF AUTHORITIES AND SOCIETY INTERACTION IN THE FORMER SOVIET UNION

Oskina Olga I., Ph.D. (Political Science), Associate Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: kasregion@inbox.ru

This paper analyses the problems of state and society interaction in Russia and the former Soviet Union. Paternalism as a dominant element in the political culture of post-Soviet countries is described and marked out. Determined the need for change in the paradigm of state and society interaction for further implementation of political modernization and effective development.

Keywords: Democracy, Political culture, Paternalism, Political modernization, Civil society, Authority, National traditions.

Проблема взаимодействия государства и общества существовала всегда. В разные исторические периоды к данной проблеме было приковано внимание исследователей различных школ и направлений политологии, социологии, философии и культурологии. Процессы так называемой посткоммунистической трансформации политической системы 1990-х гг., затронувшие экономические, социальные и политические институты, привели к радикальной смене модели взаимоотношений государства и общества и актуализировали данную проблематику.

Важным элементом данного исследовательского дискурса стал вопрос о варианте выбора стратегической модели взаимоотношений общества и власти. И. Дзялошинский анализирует три варианта ответа на данный вопрос, в рамках так называемого «вестернизационного проекта», «модернизационного проекта» и «фундаменталистского проекта» [3, с. 28].

Вестернизационный проект связан с уверенностью в неотвратимости построения универсального мирового сообщества, основывающегося на принципах демократии и либерализма, научного и культурного прогресса, повсеместного распространения модели индустриальной или постиндустриальной экономики. Переход к данной модели возможен только в том случае, если государство и общество предпримут специальные усилия для того, чтобы реально обеспечить необходимые условия для таких преобразований: минимальный стандарт благосостояния; свобода творчества; свобода предпринимательства; добросовестная конкуренция; высокий уровень образования; развитие науки; индустрия инноваций; значимость социального капитала, доверия [17, с. 34].

Модернизационный проект. Сторонники модернизационного проекта считают, что «западный проект мироустройства» сталкивается в России с неразрешимыми трудностями и должен быть заменен схожим по форме, но альтернативным по сути процессом модернизации. Модернизация представляет собой особую форму приспособ-

собления традиционных обществ к вызовам глобализирующейся цивилизации. Суть модернизации заключается в стремлении сохранить культурные корни и соединить их с элементами современной западной цивилизации. Так, например, усвоение некоторых рыночных параметров организации экономической жизни совмещается с искренней уверенностью в уникальности российской культуры, построенной на принципиально нерыночных основаниях.

Фундаменталистский (консервативный, православно-общинный) проект ориентируется на принципиальный отказ от ценностей западного мира, опирается на идеи «возврата к истокам», «припадания к глубинным основам народной мудрости», «защиты национальной культуры» и т.д. Исходные принципы фундаменталистского проекта могут быть сформулированы следующим образом: общество понимается как сфера приложения воли Божьей в греховном несовершенном мире, а не как самодостаточное воплощение человеческих желаний; групповые, а тем более социальные интересы первичны по отношению к индивидуальным; государство в данной ценностной системе есть универсальная организация, способная обеспечить эффективное развитие общества и поддерживающая благотворную традицию; новшества, тем более целенаправленные, осознанные реформы, воспринимаются как нежелательное явление; реформы допустимы только в русле цивилизационных ценностей страны [4].

Выбранный Россией вариант проекта значительно отличается от «идеальных» теоретических конструкций. Последние 20 лет стали временем мучительного выбора и адаптации апробированных на Западе моделей. Как считает английский политолог Р. Саква, политический процесс в современной России, может быть охарактеризован как незавершенная демократизация, породившая некий гибрид, соединивший демократию и авторитаризм, что было названо им «режимной системой правления». Режимная система, сузив роль парламента и судебной власти, смогла в значительной мере обезопасить себя от неожиданностей электоральной борьбы и оградить себя от контроля гражданских институтов [11]. Взаимодействие государства с «обществом» при режимной системе строится по принципу властвования и подвладности. Структурные элементы общества здесь представляют собой совокупность подданных, которых необходимо держать в рамках социального контроля со стороны власти имущих, интернализация новых ценностно-нормативных представлений произошла со значительными искажениями, результатом которых стало формирование квазидемократической и квазирыночной системы. Новая структура жизненных представлений и связанная с ней западная модель взаимоотношений власти и общества не смогли вытеснить патерналистской модели.

Такие взаимоотношения государства и «общества», которые наблюдаются в России, отличаются от взаимодействия государства с субъектами гражданского общества в развитых странах Запада. Для стран либеральной демократии характерен, по А.И. Соловьеву, «союзнический тип отношений между этими социальными контрагентами». Этот тип отношений предполагает проведение правящей политической элитой курса на поддержание общественной самостоятельности граждан, минимизацию вмешательства государства в дела гражданского общества; а со стороны гражданской политической элиты – уважительное отношение к государственным структурам [12]. Вместе с этим, данная система отношений всего лишь один из возможных вариантов выстраивания взаимодействий институтов власти и общества. Западный опыт формирования и исторических моделей гражданского общества и их теоретическое обоснование имеет значительную дифференциацию. З.Т. Голенкова полагает, что исторические концепции и практические модели возникли на основе идей и опыта, укоренившихся в трех различных традициях.

Одна из них связана с античной, средиземноморской историей и опытом итальянских городов-республик времен Ренессанса. Данная традиция была выражена Н. Макиавелли, сформулировавшего три важнейшие ценности гражданского общества: мир и безопасность граждан; наслаждение своим имуществом и богатством; право каждого иметь и отстаивать свои убеждения. Другая традиция уходит корнями в континентально-европейскую историю, где появление свободного индивида и гражд-

данина связано с протестантской этикой и появлением гильдий как одной и первых форм свободных ассоциаций, защищающих их и оказавших влияние на процесс управления городами. Третье направление – это либеральная англо-американская традиция, предполагающая самостоятельное гражданское общество и весьма ограниченную роль государства. Гражданское общество в России развивалось и развивается по модели, которая ближе к американской [2, с. 26–27]. Л. Алексеева подчеркивает особую роль в европейском политическом процессе различных политических ассоциаций и организаций, в то время как в Америке, гражданская активность проявляется через многочисленные неполитические организации – комитеты, общества, кружки, группы [1, с. 34].

В России оформление общественных структур и элементов гражданского общества проходило исторически значительно позже, чем в Европе и Америке. Россия с запозданием осуществила модернизационный переход от традиционного аграрного общества к городскому и индустриальному. Сильная государственная, патерналистская традиция затрудняла выстраивание конструктивных взаимоотношений между общественными структурами и государством, сужала демократические начала, имела слабую социальную базу в лице немногочисленной буржуазии, по сравнению с Западной Европой [6, с. 42]. Данная тенденция особенно ярко проявилась в России на рубеже XIX–XX вв. В имперской России добровольные организации и кружки были слабыми и малочисленными и находились под жестким контролем самодержавия. Однако исследователи признают тот факт, что при авторитарном монархическом режиме добровольные ассоциации осуществляли коллективные цели и реализовывали проекты, имеющие благотворительную, культурную и научно-прикладную значимость [19, с. 107]. Несмотря на высокий конфликтный потенциал и многочисленные противоречия, существовавшие между государством и обществом, в России складывается значительная степень кооперации и сотрудничества между властью и ассоциациями. В этой связи показательным является наличие взаимосвязей целей и функционирования российских общественных ассоциаций с государственными структурами, особенно в сфере идей национального прогресса, изучения усовершенствования и мобилизации производственных, человеческих и естественных ресурсов [6, с. 43].

Однако, в целом, система отношений самодержавного Российского государства и общественных структур продолжала функционировать в рамках патерналистской модели. Ее корни уходят в глубокую историю российской государственности [5, с. 223]. Обусловленные природно-климатическими условиями патерналистские черты закрепились в русской традиционной, крестьянской культуре, важнейшей социальной структурой и носителем данных черт была патриархальная семья. Православие освятило эти отношения авторитетом церкви. Патернализм стал аксиомой, культурным архетипом, закрепленным в российской ментальности и политической культуре. На эту типологическую черту российского общества было обращено внимание исторической мысли еще в XIX в., начиная с известного утверждения Н.М. Карамзина о том, что в России самодержавное правление есть отеческое правление [7, с. 140–160].

Теоретически, выстраивание отношений взаимодействия власти и общества может осуществляться по ряду направлений, так А. Сунгуров, выделяет три основных варианта взаимоотношений: сотрудничество (партнерское взаимодействие), отсутствие сотрудничества (игнорирование) и конфронтация. В свою очередь данные варианты, могут быть представлены рядом модификаций. Партнерское взаимодействие может осуществляться в рамках: а) «модели садовника» (поддержка развития общественных организаций); б) «диалоговой модели» (диалог власти и общественных структур, без попыток ими управлять); в) «модели архитектора» (участие организаций гражданского общества в публичной политике, реформировании институтов государственной власти, участвуют в создании новых органов государственной власти, обучают и воспитывают чиновников государственных структур; г) «патерналистская модель» (вариант взаимодействия, характеризующийся наличием определенной автономии общественных организаций при условии невмешательства в дела власти, а также обеспечении поддержки соответствующих кандидатов на выборах. В обмен на

политическую лояльность властные структуры обеспечивают определенную поддержку, покровительство деятельности подобных организаций путем предоставления бесплатных помещений или льготной аренды, путем прямого финансирования, оказания преференций при распределении грантов и иными способами); д) модель «приводных ремней» (общественные институты рассматриваются как придаточные механизмы государственной политики при отсутствии самостоятельности. Эта модель была наиболее ярко представлена в Советском Союзе в 1930–1970-е гг., когда партийно-государственный аппарат рассматривал все общественные организации исключительно как передаточные механизмы от партийного руководства к рядовым жителям страны, при этом ни о какой самостоятельности в этом случае и говорить не приходилось. «Общественные» организации занимали положенное им место винтиков, точнее, приводных ремней, в находящейся под полным контролем руководства политической системы).

Вариант игнорирования предполагает отсутствие взаимодействия между государством и общественными организациями. Конфронтация может быть представлена также рядом моделей: а) модель «борьба с противником» (государство видит опасность для собственной власти, оказывает давление, закрывает общественные организации, финансирование из международных фондов трактуется как превращение такой организации в «агента иностранного влияния»); б) модель «гражданского неповиновения» (в условиях нарушения властью гражданских прав и свобод используется тактика участия в митингах, пикетах, «гуляний», переходящих в плоскость политической борьбы [13].

Революционные события начала XX в. не смогли разрушить вековые традиции во взаимоотношениях власти и общества. Ряд ученых считает, что традициями патернализма можно объяснить и особенности русского самодержавия и некоторые предпосылки возникновения и функционирования коммунистического тоталитарного режима [16, с. 9].

В начале 20-х гг. XX в. в СССР параллельно складываются несколько моделей взаимодействия органов государственной власти и общественных организаций: модель игнорирования (краткий период начала НЭПа), модель патернализма и по отношению к «непослушным» организациям все большую силу, по мере свертывания НЭПа, набирала модель «Борьбы с противником». В итоге в начале 30-х гг. XX в. уже не осталось «непонятливых» организаций, а по отношению к остальным модель патернализма плавно переросла в «Модель приводных ремней». Эта модель и оставалась доминирующей вплоть до начала Перестройки, однако, начиная с 50-х гг. XX в., вновь стала проявляться «патерналистская модель», в рамках которой появлялись и существовали такие самостоятельные и частично автономные организации и движения, как клубы самодеятельной песни, коммунарское движение, некоторые экологические группы и т.д. С другой стороны, правозащитники предложили государству партнерскую модель, которая была отвергнута, и в отношении них со стороны власти реализовывалась модель «Борьбы с противником». Модель гражданского сопротивления в условиях жесткой цензуры и массовых репрессий, практически не существовала в советское время. В период Перестройки (1985–1989 гг.) «патерналистская» модель продолжает оставаться наиболее распространенной, к партнерской модели подавляющее большинство представителей власти были не готовы, и фактически реализовывалась «модель игнорирования». В этот период наблюдался бурный рост «неформальных» организаций, которые действительно существовали как бы «не замечая власти». Другой особенностью этого периода являлась быстрая политизация структур гражданского общества, их активное участие в выборах, приносящих в крупных городах победу реформаторским силам, в митингах и в сопротивлении августовскому путчу 1991 г. (пример гражданского сопротивления), которое и стало на тот момент вариантом российской «цветной» революцией [13].

Распад СССР и возникновение на его месте 15 национальных государств стали первым шагом к полному переформатированию политических, социально-экономических и культурных связей на постсоветском пространстве. Договор о создании СНГ преду-

смастривал, что двенадцать вошедших в это объединение бывших советских республик сохранят единое экономическое пространство. Однако это стремление оказалось нереализуемым. Экономическая и политическая ситуация в каждом из новых государств развивалась по-своему: экономические системы стремительно утрачивали совместимость, различными темпами шло экономическое реформирование, набирали силу центробежные силы, подпитываемые национальными элитами.

После образования СНГ большинство населения практически всех суверенных республик испытало глубокое разочарование в результатах обретенной независимости. Последствия распада СССР оказались более чем тяжелыми – полномасштабный экономический кризис отложил отпечаток на весь переходный период, который в большинстве постсоветских государств еще далек от завершения [9, с. 28]. Россия и независимые государства бывшего СССР оказались в труднейшем положении за всю свою многовековую историю. Они были вынуждены вернуться к излюбленной в русской истории парадигме «догоняющего развития», тем самым была создана благодатная почва для того, чтобы в политической культуре постсоветского пространства ожили старые стереотипы [8].

В этой связи практически все постсоветские государства столкнулись с проблемой форсированной модернизации, вызывающей параллельную архаизацию. В ходе обновления стран пробуждаются, казалось, давно изжитые, а на самом деле глубоко укоренные и лишь до поры дремлющие самые архаичные и примитивные пласты идеологии, ментальности, сознания и бессознательного как общих жизненных укладов, так и, конкретно, социально-политического «быта» (в форме воссоздания локальных авторитарных режимов, воспроизводства и усиления этнических, клановых и кастовых структур, разрушения общин духовных и институциональных основ интеграции населения и т.д.). При этом модернизация постсоветского пространства и общества оказывается внутренне асинхронной, образуя в нем множество структурных разрывов; что-то действительно прорывается вперед, другое же развивается гораздо более инерционно или даже откатывается назад; одни слои населения получают преимущества и реализуют новые возможности, тогда как другие, наоборот, лишаются даже прежних [18].

Можно заметить, что сложившиеся политические режимы в постсоветских государствах носили ярко выраженный патерналистский характер, значительная их часть возродила во многом патриархальные, «почти семейные отношения» между обществом и властью, ее верховный носитель имел ярко выраженные персонифицированные черты.

Ученые фиксируют, что патерналистские режимы возникают в специфических исторических и социальных условиях: социальной основой общества являлось крестьянство, другие же социальные группы (буржуазия, интеллигенция, военное) были не слишком развиты или представляли собой инокультурные элементы; само общество, относительно небольшое, напоминает разросшуюся крестьянскую общину, «большую семью», «родовой клан» или несколько «клановых» образований; общество находится в окружении более сильных и крупных этносов и государственных образований, угрожавших его существованию и / или этнокультурной идентичности.

Можно сказать, что патерналистский режим есть форма реакции небольших, аграрных по своей социальной основе и психологии обществ, находящихся в геополитической изоляции или же под инокультурным давлением, представляющим угрозу их существованию. Именно это составляет фундамент патернализма, поскольку институциональные формы и идеология патерналистских режимов могут быть самыми разными [16].

Все страны постсоветского пространства условно можно разделить на три группы, каждая из которых в силу общего советского прошлого имеет ряд общих черт и тенденций. Речь идет об общей тенденции реконструкции постсоветского консерватизма, сочетающего в себе ностальгию по «золотому веку» рухнувшей советской империи, идеях коллективизма, и «мобилизационности», выстраивании патерналистской системы взаимоотношений между традиционалистски настроенным большинством

вом общества постсоветского пространства и верховной властью, точнее – ее носителями. Но вместе с этим, в последнее время можно говорить о появившихся значительных отрывах и усиливающихся отличиях.

Первая группа – государства западной группы стран (Белоруссия, Украина, Молдавия), исторически и геополитически испытывающие сильное европейское влияние, которое в обозреваемый период серьезно не сократится, что обусловлено как раздробленностью и слабостью политических классов этих стран, переживание ими первичного этапа своего развития, так и отсутствием реальных национальных элит, способных к консолидированным усилиям. Внутренняя разнородность украинского, молдавского и белорусского обществ, различные группы которого не только говорят на разных языках, имеют различные идеологии и фактически живут в различных социальных ритмах – аграрном, индустриальном, информационном, в ближайшее десятилетие будет все активнее превращаться в политическую доминанту, создавая условия для политической дестабилизации и делегитимизации властей [12].

Вторая группа – Кавказский регион (Закавказье), остается традиционным эпицентром политической нестабильности. Политические классы стран Закавказья связывают перспективы развития своих государств с расширением контактов с Евросоюзом, участием в стратегии энергетической диверсификации ЕС, усилением влияния НАТО в регионе. Социо-культурное пространство региона сегментируется на традиционного типа северо-кавказскую культуру (состоящую из многочисленных этнотрадиционных культур) и близкую к ней по ценностной системе исламскую, русскую национальную (включая казачью традиционную культуру), «советскую» и современную массовую западную культуру. Все они находятся в состоянии латентной и открытой конфликтности. Очевидна тенденция усиления в политическом и социо-культурном пространстве сущностных восточных черт, активными темпами идет восстановление восточной, исламизированной ментальности [14].

Третья группа – центральноазиатские страны. Специфика политической ситуации в странах Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения) определяется преваляцией авторитарных политических систем. Особую значимость приобретают регионально-клановые противоречия на фоне слабой политической стратификации региона и усиливающейся исламизации. Усиление влияния исламистов ведет к активизации радикальных партий и организаций, националистические настроения подогреваются Западом, что приводит к религиозным, этническим конфликтам и терроризму.

Обозначенные тенденции и характерные черты накладывают определяющий отпечаток на выборе варианта стратегической модели взаимоотношений общества и власти странами постсоветского пространства. Россия, а вслед за ней и значительная часть стран посткоммунистического пространства со все возрастающей скоростью двигаются от вестернизационного проекта через модернизационный к фундаменталистско-архаическому [4]. Государству в данной ценностной системе принадлежит центральная роль, а возродившаяся система патерналистских связей рассматривается, как одна из форм перехода от социализма к более плюралистичному обществу. Безусловно, по мере развития и преодоления традиционно-патриархальных ценностей, моделей отсутствия сотрудничества и моделей конфронтации взаимодействия структур власти и общества, будет происходить усложнение общественных структур и появление разнородных центров политического притяжения, выражающих интересы различных социальных слоев и групп, все большее распространение будут получать модели партнерского взаимодействия. Избежать этого «усложнения» вряд ли удастся какой-либо из стран постсоветского пространства, поскольку сама суть посткоммунистической трансформации заключается в усилении плюралистического начала в политической, экономической и социальной структуре общества [15].

Список литературы

1. Алексеева Л. Дебаты о российском гражданском обществе / Л. Алексеева // Гражданское общество и государство. – Москва, 2005.
2. Голенкова З. Т. Гражданское общество в России. Теория. Методология / З. Т. Голенкова // Социс. – 1997. – № 3.
3. Дзялошинский И. Гражданское общество. О чем спор? / И. Дзялошинский // INDEX: Досье на цензуру. – 2001. – № 16.
4. Дзялошинский И. СМИ и общественные институты: перспективы взаимодействия / И. Дзялошинский. – Режим доступа: <http://library.kemguki.ru>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
5. Ермоленко Т. Ф. Патернализм в политической культуре России / Т. Ф. Ермоленко // Российская историческая политология. Курс лекций: учеб. пос. / отв. ред. С. А. Кислицын. – Ростов на Дону, 1998.
6. Казакова-Апкаримова Е. Ю. Моделирование взаимоотношений гражданского общества и государства и исторический опыт России / Е. Ю. Казакова-Апкаримова // Инновационное образование и экономика. – 2011. – Т. 1. – № 8.
7. Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма / Н. М. Карамзин. – Москва, 1982.
8. Любин В. П. Авторитаризм или демократия: политическая культура России на трансформационном перепутье / В. П. Любин. – Режим доступа: <http://alestep.narod.ru/lubin4.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
9. Резникова О. Модернизация России и взаимодействие в СНГ / О. Резникова // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – № 3.
10. Саква Р. Режимная система и гражданское общество в России / Р. Саква // Полис. – 1997. – № 1.
11. Соловьев А. И. Три облика государства – три стратегии гражданского общества / А. И. Соловьев // Полис. – 1996. – № 6.
12. Суздальцев А. Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить / А. Суздальцев // Постсоветское пространство: единство и многообразие. – Москва: Русь – Олимп, 2008. – Режим доступа: <http://www.politoboz.com/content/postsovetskoe-prostranstvo-edinstvo-i-mnogoobrazie>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
13. Сунгуров А. Модели взаимодействия органов государственной власти и структур гражданского общества: российский опыт / А. Сунгуров. – Ч. 1. – Режим доступа: <http://politpriklad.net.ru/>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
14. Черноус В. В. Россия и народы Северного Кавказа: проблемы культурно-цивилизационного диалога / В. В. Черноус // Научная мысль Кавказа. – 1993. – № 3.
15. Шимов Я. Батьковщина. Феномен патернализма в восточноевропейских обществах / Я. Шимов. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/article/2004/03/30/paternalism>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
16. Шушкова Н. В. Этот ускользающий патернализм: попытка построения концепции / Н. В. Шушкова // Социологический журнал. – 2007. – № 1.
17. Ясин Е. Г. Модернизация и общество / Е. Г. Ясин // Модернизация экономики и общественное развитие. – Москва: ГУ-ВШЭ, 2007.
18. Япшкова Т. А. Особенности осуществления политической модернизации в современной России, поиск культурной идентичности в условиях глобализации / Т. А. Япшкова. – Режим доступа: <http://www.akademiagp.ru/main/news>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
19. Joseph Bradley. Subjects into Citizens: Societies, Civil Society, and Autocracy in Tsarist Russia / Joseph Bradley // The American Historical Review. – 2002. – № 4. – Vol. 107. – Режим доступа: <http://www.historycooperative.org/journals/ahr/107.4/ah0402001094.html>. P. 1-21, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

References

1. Alekseeva L. Debaty o rossijskom grazhdanskom obwestve [Debate about the Russian civil society]. *Grazhdanskoe obwestvo i gosudarstvo* [Civil society and state]. Moscow, 2005.
2. Golenkova Z.T. Grazhdanskoe obwestvo v Rossii. Teorija. Metodologija [Civil society in Russia. Theory. Methodology]. *Socis* [Sotsis], 1997, no. 3.
3. Dzialoshinskij I. Grazhdanskoe obwestvo. O chem spor? [Civil society. About what dispute?]. *INDEX: Dos'e na cenzuru* [INDEX: File on censorship], 2001, no. 16.
4. Dzialoshinskij I. *SMI i obwestvennye instituty: perspektivy vzaimodejstvija* [Mass media and public institutes: interaction prospects], available at: <http://library.kemguki.ru>.
5. Ermolenko T.F. Paternalizm v politicheskoj kulture Rossii [Paternalism in political culture of Russia]. *Rossijskaja istoricheskaja politologija. Kurs lekcij* [Russian historical political science. Course of lectures]. Rostov-on-Don, 1998.

6. Kazakova-Apkarimova E.Ju. Modelirovanie vzaimootnoshenij grazhdanskogo obwestva i gosudarstva i istoricheskij opyt Rossii [Modeling of relationship of civil society and state and historical experience of Russia]. *Innovacionnoe obrazovanie i jekonomika* [Innovative education and economy], 2011, vol. 1, no. 8.
7. Karamzin N.M. *Izbrannye stat'i i pis'ma* [Chosen articles and letters]. Moscow, 1982.
8. Ljubin V.P. *Avtoritarizm ili demokratija: politicheskaja kul'tura Rossii na transformacionnom pereput'e* [Authoritarianism or democracy: political culture of Russia on transformation crossroads], available at: <http://alestep.narod.ru/lubin4.htm>.
9. Reznikova O. Modernizacija Rossii i vzaimodejstvie v SNG [Modernization of Russia and interaction in the CIS]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World economy and international relations], 2000, no. 3.
10. Sakva R. Rezhimnaja sistema i grazhdanskoe obwestvo v Rossii [Regime system and civil society in Russia]. *Polis* [Policy], 1997, no. 1.
11. Solov'ev A.I. Tri oblika gosudarstva – tri strategii grazhdanskogo obwestva [Three shapes of the state – three strategy of civil society]. *Polis* [Policy], 1996, no. 6.
12. Suzdal'cev A. Rossija i mir. Novaja jepoha. 12 let, kotorye mogu vse izmenit' [Russia and world. New era. 12 years which can change everything]. *Postsovetskoe prostranstvo: edinstvo i mnogoobrazie* [Former Soviet Union: unity and variety]. Moscow: Rus' – Olimp, 2008, available at: <http://www.politoboz.com/content/postsovetskoe-prostranstvo-edinstvo-i-mnogoobrazie>.
13. Sungurov A. *Modeli vzaimodejstvija organov gosudarstvennoj vlasti i struktur grazhdanskogo obwestva: rossijskij opyt* [Models of interaction of public authorities and structures of civil society: Russian experience], part 1, available at: <http://politpriklad.net.ru>.
14. Chernous V.V. Rossija i narody Severnogo Kavkaza: problemy kul'turno-civilizacionnogo dialoga [Russia and people of the North Caucasus: problems of cultural and civilizational dialogue]. *Nauchnaja mysl' Kavkaza* [Scientific thought of the Caucasus], 1993, no. 3.
15. Shimov Ja. *Bat'kovina. Fenomen paternalizma v vostochnoevropskij obwestvah* [Batkovshchina. A paternalism phenomenon in the East Europe societies], available at: <http://www.polit.ru/article/2004/03/30/paternalism>.
16. Shushkova N.V. Jetot uskol'zajuwij paternalizm: popytka postroenija koncepcii [This escaping paternalism: attempt of creation of the concept]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological magazine], 2007, no. 1.
17. Jasin E.G. Modernizacija i obwestvo [Modernization and society]. *Modernizacija jekonomiki i obwestvennoe razvitie* [Modernization of economy and social development]. Moscow: GU-VShJe, 2007.
18. Jashkova T.A. *Osobennosti osuwestvlenija politicheskaj modernizacii v sovremennoj Rossii, poisk kul'turnoj identichnosti v uslovijah globalizacii* [Features of implementation of political modernization in modern Russia, search of cultural identity in the conditions of globalization], available at: <http://www.akademiagp.ru/main/news>.
19. Joseph Bradley. Subjects into Citizens: Societies, Civil Society, and Autocracy in Tsarist Russia / Joseph Bradley // *The American Historical Review*. – 2002. – № 4. – Vol. 107. – Режим доступа: <http://www.historycooperative.org/journals/ahr/107.4/ah0402001094.html>. P. 1-21, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

СИРИЙСКИЙ КРИЗИС: ВНУТРЕННИЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ

Буров Алексей Никитович, доктор исторических наук, профессор

Волгоградский филиал Российского государственного торгово-экономического университета
400131, Россия, г. Волгоград, ул. Волгодонская, 11
E-mail: rektor_volgograd@rsute.ru

Статья посвящена рассмотрению как внутривнутриполитической ситуации в Сирии в 2011–2012 гг., так и международным аспектам сирийского кризиса. Анализируется расстановка политических сил, их стратегия и тактика. Особое внимание уделяется российско-сирийским отношениям, роли и значению российской дипломатии в урегулировании конфликта.

Ключевые слова: внутривнутриполитический конфликт, авторитарный режим, политическая либерализация, демократизация, внешнеполитическая конъюнктура.

THE SYRIAN CRISIS: DOMESTIC AND INTERNATIONAL ASPECTS

Burov Alexey N., D.Sc. (History), Professor

Volgograd branch of Russian State University of Trade and Economics
11 Volgodonskaya st., Volgograd, 400131, Russia
E-mail: rektor_volgograd@rsute.ru

The paper considers the internal political situation in Syria in 2011–2012 and international aspects of the Syrian crisis. We analyse the alignment of political forces, their strategy and tactics. A particular attention is paid to the Russian-Syrian relations, the role and value of Russian diplomacy in resolving the conflict.

Keywords: Internal political conflict, Authoritarian regime, Political liberalization, Democratization, Political situation.

Важнейшие события, происходившие за последние два года на Ближнем и Среднем Востоке, ознаменовались социально-политическими потрясениями в ряде арабских стран. Эти потрясения имели не только региональное, но и международное значение, и, как будет показано ниже, не могли не затронуть ареал Прикаспия, а, стало быть, и национально-государственные интересы России.

Общая канва происходившего широко известна [17, с. 3–14]. Начавшиеся в 2010 г. в Тунисе народные волнения и массовые протесты привели к падению режима президента Бен Али и его бегству из страны. Режим президента Х. Мубарака в Египте пал 11 февраля 2011 г., а еще через два дня на востоке Ливии начались беспорядки и демонстрации с требованием отставки лидера М. Каддафи. Противостояние властей и протестующих приняло там форму вооруженной борьбы. 18 марта 2011 г. Совет Безопасности ООН (при воздержавшихся представителях России и Китая) принял резолюцию об установлении над Ливией «бесполетной зоны». Военная интервенция стран НАТО внесла решающий вклад в падение и гибель ливийского лидера в октябре 2011 г.

В январе крупные выступления начались в Йемене, Иордании, на Бахрейне и в Марокко. Однако события в этих странах развивались по-разному. В Иордании и Марокко королевская власть достаточно оперативно отреагировала на происходящее и спешно провела некоторые реформы (как сейчас видится, косметические), которые несколько снизили накал страстей, по крайней мере на время. На Бахрейне события приняли кровавый оборот. Мирные протесты в основном шиитской части населения были подавлены благодаря военному вмешательству Саудовской Аравии.

В Йемене шумные массовые акции и регулярные, порой кровавые столкновения противоборствующих сторон продолжались вплоть до конца 2011 г. Специфика йеменской ситуации состоит в том, что это пока что единственный случай в современном арабском мире, когда смена власти прошла на консенсусной, компромиссной